

О. М. Карамышев (СПбГУ)

**«Собирался король на святую Русь...»:
к 400-летию окончания Смуты
(гражданской войны в России начала XVII в.)**

Среди русских народных исторических песен есть песня об обороне Пскова, которая по сюжету относит нас к событиям XVI столетия. Песня известна в различных вариантах, и в большинстве из них в качестве героя, возглавляющего оборону Пскова от войск польского короля (Стефана Батория), присутствует некий Семен Костянтинович Карамышев, отказавшийся сдать город неприятелю.¹ Однако хорошо известно, что в 1581–1582 годах большим (главным) воеводой в Пскове был князь Иван Шуйский, а из Карамышевых никто среди осадных псковских воевод тогда не числился.

При дальнейшем изучении народного фольклора можно выяснить, что упомянутый Семен Костянтинович Карамышев (иногда Карамышин) оказывается довольно частым героем различных самобытных песенных сочинений. Причем, фигурирует он в разных эпохах, различных местах и неодинаковых качествах. Его, например, можно встретить в том же XVI веке в песнях о Ермаке и завоевании Сибири. Выступает же он то, как воевода то, как большой московский боярин то, как персидский посол, а порой и как обладатель княжеского титула. Существуют различные варианты песни о гибели Карамышева. В них его подчас просто убивают выстрелом из пушки или иным образом без объяснения причин. Но иногда поясняется, что он принимает погибель на Дону от казаков за то, что, читая царский указ, не снял шапки, выказав, таким образом, явное неуважение государю, возмутившее казачество.²

Известны переводы (не стихотворные) Александра Сергеевича Пушкина на французский язык одиннадцати русских песен. В одной из них фигурирует *Le jeune Ambassadeur du tsar, le Prince Semen Konstantinovitch Karamichef* (молодой царский посланник князь Семен Константинович Карамышев), убитый в лодке, стрельнувшими в нее из пушки казаками –

¹ Собрание народных песен П.В.Киреевского. Т. 1. Л., 1977. № 33; Русская историческая песня. Л., 1990. С. 74-76; Исторические песни. Баллады. М., 1991. С. 202-204 и др.

² Древнейшие стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 125–131; Русская историческая песня. Л., 1990. С. 103-109, 161; Исторические песни. Баллады. М., 1991. С. 288-289 и др.

какими только можно: и донскими, и гребенскими, и запорожскими, и яицкими.³

Из песен Карамышев проникает и в былинное творчество, где становится, не много ни мало, старшим сыном крестителя Руси князя Владимира, спасающим отца от разбойников.⁴

Можно подумать, что этот герой или, подчас, антигерой – совершенно вымышленный персонаж, рожденный исключительно народным творчеством. Но это не совсем так.

В отдельных вариантах песни об обороне Пскова хорошо видно, что в нее попал кусок из другого произведения. Там, где в тексте помимо Пскова и Великих Лук упомянут также город Волок (т. е. Волок Ламский – современный Волоколамск), никак не относящийся к псковскому региону.

Существует песня, начинающаяся со слов: «Собирался король на святую Русь...».⁵ В ней тоже поется о защите города, фигурирует тот же главный герой, Семион Костентинович Карамышин (Карамышев), дающий такой же ответ польскому королю. За этой песней (как и за песней об обороне Пскова) стоит реальное историческое событие – безуспешная осада войсками польского короля, но не Стефана Батория Пскова в 1581–1582 годах, а Сигизмунда III (Жигимонта) в 1612 году Волока Ламского. К каковому событию один из Карамышевых имел самое непосредственное отношение.

Надо полагать, что первоначально вполне реалистичное и, безусловно, авторское песенное сочинение в широком народном творчестве обрело варианты, разошлось частями по другим песням, а его герой зажил самостоятельной жизнью, стал гулять по пространству и времени, выступая в разных, иногда противоположных качествах.

Итак, фольклорный персонаж имеет реального прототипа, связанного как с историей Волоколамска, так, отчасти, и псковщины (в ее современных пределах) – действительно Карамышева, действительно Константиновича, но только не Семена, а Ивана.

Его дед, Иван Федорович Карамышев, еще при Василии III вместе с братьями был наместником в городе Деман и волости Березовец в Новгородской земле. Он записан в Тысячной книге 1550 года и в Дворовой тетради 50-х годов XVI века в числе детей боярских по Волоку Ламскому. В 1561/1562 году он был наместником в городе Рославле с воеводой Иваном

---

³ Пушкин А. С. «Chansons russes» // Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 611–624.

⁴ Былина с таким содержанием упомянута в книге: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

⁵ Собрание народных песен П.В.Киреевского. Т. 1. Л., 1977. № 42; Исторические песни. Баллады. М., 1991. С. 265-266 и др.

Андреевичем Годуновым. Принимал участие как воевода (кошевой и второй воевода сторожевого полка) в Полоцком походе царя Ивана Грозного зимой 1562–1563 года. В декабре 1563 года присутствовал на свидании пленных польских военачальников, захваченных в Полоцке, с послами польского короля Сигизмунда-Августа, прибывшими в Москву для переговоров о мире. Участвовал в Земском соборе 1566 года в числе дворян первой статьи. В 1568–1569 годах был наместником в городе Рязске. Владел вотчинами в Волоколамском и Московском уездах. Был женат на Фетинье Даниловне Годуновой, двоюродной тетке будущего царя Бориса Федоровича. Имел сыновей: Петра, Константина и, предположительно, Федора.⁶

Отец нашего персонажа, Константин Иванович Карамышев, записанный в Боярском списке 1577 года в числе выборных дворян по Ржеве Пустой, также был наместником в Рославле в 1576–1578 годах. В 1578/1579–1580/1581 годах он значился осадным головой в городе Леневарде. В писцовой книге Пусторжевского уезда 1582/1583 года Константин Карамышев упоминается как бывший владелец поместной деревни Тархово во Влицком стане, которой на момент описания уезда в 1582/1583 году владел Субота Степанович Пушкин. Женат он был на Татьяне Борисовне, которая 8 июня 1599 года внесла вклад в Троице-Сергиев монастырь: *«денег 40 рублей да летник камка гвоздична, вошвы бархат вишнев золотной»*. Известны двое их сыновей: Иван (наш герой) и Петр.⁷

Карамышевы были вкладчиками и Псково-Печерской обители. В синодике этого монастыря есть запись, имеющая, очевидно, отношение к Константину Ивановичу Карамышеву, его жене и их близким родственникам: *«Род Карамышевых. Константина. Татианы / Георгия. уб[иеннаго]: Стефаниды девицы: Григория. Иноки / Марсамии. Иоанна. Евдокии. Инока Ефросина. / Иоанна. Инока. Ионы схим[ника]. Иноки Таисии. / Иоанна. уб[иеннаго]: Петра. уб[иеннаго]: Иакова. Нестора. / Иоанна. уб[иеннаго]: Анастасии во иноцех Акилины»*.⁸

О самом же Иване Константиновиче известно следующее.

24 мая 1601 года он утверждал перед патриархом Иовом духовную грамоту своего шурина (брата жены) князя Александра Васильевича Волконского, в которой Иван Константинович упоминается как душеприказчик и один из наследников. Ему были завещаны: саадак с луком, сабля, кафтан из песца, а также конь с седлом и с уздою.⁹

Весной 1605 года жилец московский Иван Константинович Карамышев

⁶ Карамышев О.М. Служилый род Московской Руси: Карамышевы. Кн. 1. СПб., 2009. С. 52-57.

⁷ Там же. С. 79-80.

⁸ Псковский государственный музей-заповедник. Древлехранилище. Ф. 593. ОФ. 29045 (7). Л. 131.

⁹ Акты служилых землевладельцев. Т. 3. М., 2002. С. 59–63.

был послан царем Федором Борисовичем под Кромы в войска с росписью о перемене воевод.¹⁰

В 1606/1607 года Иван Константинович числился среди выборных волоколамских дворян, имел поместный окладом в 600 четвертей земли.¹¹

В 1610/1611 году он и Григорий Леонтьевич Валуев¹² показаны как воеводы в Торопце.¹³

В 1612–1613 годах Иван Константинович Карамышев был первым воеводой в Волоке Ламском, вторым воеводой при нем был Степан Васильевич Чемесов.¹⁴

Осенью 1612 года они возглавляли оборону города от осаждавших его войск польского короля Сигизмунда III. Король, стремившийся на выручку своему отряду, засевшему в Московском Кремле, не решаясь оставлять за спиной укрепленную вражескую крепость, предпринял ряд яростных приступов. Но он так и не смог взять Волок. Его войско понесло значительный урон, а узнав, что польский отряд в Москве сдался, Сигизмунд III вынужден был снять осаду и вернуться в пределы Речи Посполитой.¹⁵ Что позволило заняться в России выборами нового царя и положить конец Смуте. Таким образом, защитники Волока, задержавшие королевское войско и не пропустившие его к русской столице, сыграли видную роль в отечественной истории, сейчас почти забытую.

Впрочем, героическая оборона 1612 года впоследствии нашла отражение в геральдической символике Волоколамска. Описание Высочайше утвержденного в 1781 году городского герба, на котором в серебряном поле изображены «древние» зеленые шанцы (треугольное укрепление), гласит, что это «в знак того, что сей город дал храбрый отпор осаждавшему оный, польскому королю Сигизмунду».¹⁶

Однако следует отметить, что дошедшие до нас источники по-разному характеризуют роль воевод в защите города.

Так, например, Бельский летописец свидетельствует о том, что воевода Иван Константинович Карамышев «стоял храбро и мужественно против того короля Жигимонта».¹⁷ Такую версию впоследствии воспринял,

---

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 91; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 199.

¹¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601 — 1608: Сб. документов. М., 2003. С. 132, 140, 155.

¹² На дочери Г.Л.Валуева был женат троюродный брат Ивана Константиновича – Никита Иванович Карамышев, один из первых воевод в Красном Яре (Красноярске).

¹³ Боярский список 1611 г. Издан Н.П.Лихачевым (отдел. оттиск из 4 тома сборника Археологического института). СПб., 1895. С. 19.

¹⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 112, 260, 264.

¹⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 7.

¹⁶ Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. СПб., 1899. С. 34.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 261 (Л. 341 об.–342).

описывая историю Волоколамска, И.Ф.Токмаков.¹⁸

Другой из источников, так называемый Новый летописец, составленный около 1630 года, напротив утверждает, что от воевод Ивана Карамышева и Степана Чемесова при обороне *«толку мало было во граде. Бой же вели атаманы: Нелюб Марков да Иван Епанчин»*.¹⁹ Версию Нового летописца позднее воспроизводили В.Н.Татищев и С.М.Соловьев.²⁰

Не претендуя на окончательное разрешение этого спора, все же приведем следующие соображения.

Во-первых, заслуги Ивана Константиновича Карамышева в обороне Волоколамска были отмечены новой царской властью значительной прибавкой к денежному жалованью. К его старому окладу в 50 рублей было придано 70 рублей государева жалованья: *«за волотцкую службу и за осадное сиденье, что он в приход королевской от короля отсиделся»*.²¹

Во-вторых, лишь военным отличием и заслугами, но не трусостью и бездеятельностью можно объяснить дальнейший взлет его служебной карьеры.

И в-третьих, достоянием народного песенного фольклора стали не имена казачьих атаманов, оборонявших Волоколамск, как следовало бы ожидать, если верить Новому летописцу, но имя воеводы Карамышева (хотя и в несколько искаженном виде — Семен вместо Иван).

В целом, как представляется, это склоняет чашу весов на сторону версии, предложенной Бельским летописцем.

Что касается дальнейшей карьеры Ивана Константиновича, то в 1613 году он был, по-видимому, переведен из Волоколамска на воеводство в Боровск. В составленной в начале марта 1613 года черновой росписи городов Владимирской Чети, в которые были посланы правительством грамоты, фигурируют несколько грамот, адресованных Ивану Константиновичу Карамышеву в Волок Ламский и в Боровск.²²

Осенью 1613 года и в 1614 году он был воеводой в Зарайске. В Зарайске он отдавал на откуп откупщику крестьянину Ваське Шустову кабак «у Николы Зараского», вино, пиво и мед, а 17 января 1614 года докладывал царю Михаилу Федоровичу о получении с Шустова денег за кабацкий двор. Еще ранее он просил царя пожаловать ему деньги из кабацких и других доходов в Зарайске в зачет денежного жалованья, которое он не получал в

---

¹⁸ Токмаков И.Ф. Город Волоколамск Московской губернии и его уезд. М., 1906. С. 6–7.

¹⁹ Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 378.

²⁰ Татищев В.Н. История Российская. Часть четвертая // Собр. Соч. Т. 6. М., 1996. С. 365; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 668–669.

²¹ Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 250–251.

²² Веселовский С.Б. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. С. 132.

течение пяти лет. На что и было дано разрешение 12 октября 1613 года. В 1614 году как зарайский воевода Иван Константинович Карамышев упоминается в царской грамоте военачальникам, посланным против мятежного казацкого атамана Ивана Мартыновича Заруцкого.²³

В 1615/1616 году Иван Константинович был воеводой в Вязьме, но через некоторое время его отозвали в Москву.²⁴

1 сентября 1616 года его назначили на службу в Псков быть воеводой на вылозках, вторым после князя Михаила Васильевича Белосельского, против которого он возбудил местнический спор. В результате разбирательства оба они были отставлены от этой службы. Это означало, что, хотя в Пскове Карамышеву послужить и не довелось, но спор он выиграл, и был признан в местническом счете равным с рюриковичем князем Белосельским.²⁵

В тот период Иван Константинович числился среди дворян московских, имел поместный оклад в 1000 четвертей земли и денежный – 135 рублей.²⁶

С ноября 1617 года он был воеводой в Ярославле с князем Андреем Васильевичем Сицким, где оставался и в 1618/1619 году.²⁷

5 мая 1620 года Иван Константинович Карамышев был назначен вторым походным окольным (временное поручение) в царском походе на богомолье в Николо-Угрешский монастырь и пытался местничать с первым окольным Федором Васильевичем Головиным, но на этот раз проиграл в местническом споре: *«...и Государь велел ему отказать. И думной дьяк Томило Луговской сказал: что ты Иван бьешь челом на Федора Головина не делом, и Государь велел тебя, за безчестие Головиных в тюрьму посадить. А как из тюрьмы его вывели, и послали его к околничему к Федору Головину на двор головою, и он был с Федором...»*.²⁸

В декабре 1620 года и в 1621 году Иван Константинович несколько раз

---

²³ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 146; Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 79; Приходно-расходные книги московских приказов. Книга 1 // РИБ. Т. 28. М., 1912. С. 61–62; Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 250–251; Борятинский Никита Петрович // Славянская энциклопедия. XVII век. М., 2004.

²⁴ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 287 (Л. 311); Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 235.

²⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 249; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 295 (Л. 313 об.); Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 144; Он же. Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. М., 2009. С. 100, 107, 126.

²⁶ Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 143–144, 146.

²⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 344, 417; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 303 (Л. 316); Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII века. Кн. 2. СПб., 1999. С. 42.

²⁸ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 451–452; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 151–152; Описи архива разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 36.

выступал на царских приемах в роли пристава у английского посла.²⁹

В сентябре 1621 года в царском походе на богомолье в Троице-Сергиев монастырь он вновь был послан с окольным Федором Васильевичем Головиным готовить станы.³⁰

В 1621/1622 году Иван Константинович Карамышев возглавлял Пушкарский приказ.³¹

С 1622 по 1630 год (до своей смерти) Иван Константинович Карамышев был главою Приказа Большого прихода.³²

Иван Константинович Карамышев несколько раз входил в состав боярских комиссий, назначенных управлять Москвой на время отсутствия в столице царя:

- с 12 мая 1624 года он состоял в комиссии при боярине Федоре Ивановиче Шереметеве;
- с 23 сентября 1624 года (вместе с троюродным братом Никитой Ивановичем Карамышевым) - при боярине князе Дмитрие Михайловиче Пожарском;
- с 26 апреля 1626 года - при боярине князе Андрее Васильевиче Сицком;
- с 21 сентября 1628 года - вновь при боярине Федоре Ивановиче Шереметеве.³³

17 мая 1625 года Иван Константинович Карамышев участвовал в царском приеме персидских послов.³⁴

5 февраля 1626 года, в день венчания царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой, он был в числе лиц, сопровождавших царскую невесту к венцу.³⁵

В 1626 – 1629 годах Иван Константинович Карамышев неоднократно бывал в числе приглашенных к царскому столу, что считалось великой честью и свидетельствует о его высоком статусе:

- в 1626 году – 2 февраля, 2 апреля (на Вербное воскресенье), 9 апреля (на Пасху), 6 августа, 17 сентября (по случаю царского новоселья), 21 декабря (у патриарха Филарета);
- в 1627 году – 1 марта (на именины царицы Евдокии Лукьяновны), 25 марта (на Пасху), 25 апреля (по случаю рождения царевны Ирины);
- в 1628 году – 13 апреля (на Пасху), 20 апреля (по случаю рождения царевны Пелагеи), 6 августа (на Преображение Господне);

²⁹ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 465, 467, 473; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 325–326 (Л. 325).

³⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 491.

³¹ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 512; Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 133.

³² Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 1030; Т. 2. СПб., 1851. Л. 14–15.

³³ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 615, 645, 817–818; Т. 2. СПб., 1851.. Л. 9–10.

³⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 683–687–692.

³⁵ Там же. Л. 774–776.

— в 1629 году – 12 марта (по случаю рождения царевича Алексея Михайловича) и 22 марта (на крестинах царевича Алексея), 5 апреля (на Пасху).³⁶

14 сентября 1628 года Иван Константинович Карамышев был в числе дворян московских, участвовавших в царском приеме персидских купцов.³⁷

В феврале 1630 года (17, 21 и 24 числа) Иван Константинович Карамышев был среди дворян московских, присутствовавших «на приезде, при ответе и на отпуске» шведского посла у царя Михаила Федоровича.³⁸

Связь Ивана Константиновича с территорией современной псковщины прослеживается не только по его несостоявшемуся назначению вылозным воеводой в Псков в 1616 году и службой по Пусторжевскому уезду его отца, но и по земельным владениям его самого.

Иван Константинович был крупным землевладельцем. Как уже указывалось, его поместный оклад составлял 1000 четвертей земли.

Он был не только помещиком, но и вотчинником.

В 1601/1602 году, используя право родового выкупа, он выкупил по суду у князя Романа Федоровича Троекурова родовое село Микулинское на речке Микульке в Московском уезде, ранее принадлежавшее его дяде Петру Ивановичу Карамышеву.³⁹ То же село Микульское (Никульское) числится в вотчине за Иваном Константиновичем по писцовым книгам Московского уезда 1623–1624 годов: *«за Иваном Карамышевым в вотчине, по государеве ввозной грамоте 110-го году и по купчей того же году, что ему дано на выкуп старинная вотчина, что он выкупил по суду у князя Романа Троекурова, а преж сего та вотчина была за боярином за князем Федором Троекуровым, село Микульское, на речке на Микулке, а в нем храм Николы чудотворца да предел Ярославских чудотворцев Федора, Давыда и Константина древян клетцки, а в нем образы, и книги, и свечи и на колокольнице колоколы вотчинниково строенье Ивана Карамышева, да в селе во дв[оре] поп Данила Григорьев, дв[ор] вотчинников, живут в нем деловые люди, 8 дв[оров] крестьянских и 7 дв[оров] бобыльских, людей в них тож».*⁴⁰

По-видимому, он также владел землями в Белозерском уезде.⁴¹

³⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Л. 762, 800, 802, 831, 855, 875–876, 882, 908–909, 914–915, 1002, 1004–1005, 1027; Т. 2. СПб., 1851. Л. 40, 52, 58.

³⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. СПб., 1851. Л. 3–6.

³⁸ Там же. Л. 838–841.

³⁹ Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. № 1184, 1185. С. 152.

⁴⁰ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. Вып. 4. М., 1885. С. 59–60.

⁴¹ В описях архива Разрядного приказа под 1622/1623 годом зафиксирован «Столпик, а в нем сыск и обыски Федора Засецково на Белоозере про Ивановых крестьян Карамышева 131-го году». — Описи архива

За ним числились и земли в Пусторжевском уезде, по которому служил его отец и с которого, не исключено, что он и сам начал службу, лишь позднее будучи переписан в списки служащих по Волоку Ламскому.

В писцовой книге Пусторжевского уезда 1627–1629 годов Иван Константинович Карамышев фигурирует как владелец вотчинных земель в Дубецкой волости и во Влицком стане. Ему были пожалованы в вотчину 150 четвертей земли «из его ж из старого поместья за московское за осадное сиденье при царе Василье» (Василии Шуйском).

В Дубецкой волости за ним по «вотчинной государеве грамоте» 1621 года числились — сельцо Овинец (оно же Одиноц и Фишнево; 1 двор землевладельца, 1 двор холопий, 1 двор крестьянский, 2 двора бобыльских; проживало 2 крестьянина, 2 бобыля и 1 холоп), деревня Соколя у озера Соколя (1 двор крестьянский, 1 двор бобыльский; проживало 2 крестьянина и 1 бобыль), пустоши Горка, Рог, Панишево и Поташево (всего 101,25 четвертей земли).⁴²

В состав его вотчины входили и пустоши Утехина и Демидова (она же Суботино) во Влицком стане (всего 41,25 четвертей), которыми он также владел по «государеве вотчинной грамоте», а ранее это было «старое его поместье».⁴³

Когда-то Утехино и Демидово принадлежали Ивану Большому Никитичу Карамышеву, затем, к 1582/1583 году, деревня Утехино на реке Локне была дана в поместье Никону Юрьевичу Ушакову, а деревня Демидово — Суботе Степановичу Пушкину. После них, как видим, они вновь оказались во владении Карамышевых.⁴⁴ Эти земли унаследовали дети Ивана Константиновича, а затем они перешли в женские линии или, возможно, были проданы. Например, деревня Утехина во Влицком стане Пусторжевского уезда на 1749 год числилась за Петром Есиповичем Бабарыкиным.⁴⁵

Вернемся же к истории жизни Ивана Константиновича Карамышева.

В конце июня 1630 года он был послан провожать до Азова турецкого посла Фому Кантакузина, а также Андрея Совина и дьяка Алфимова — русских послов к турецкому султану.⁴⁶

Эта поездка и это поручение стали для него последними. Прибыв на Дон, он был злодейски убит казаками. Об обстоятельствах его гибели

разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 58.

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8168. Л. 323–323 об.

⁴³ Там же. Л. 455.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8183. Л. 440 об.–441; 447–451.

⁴⁵ ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 503. Л. 7.

⁴⁶ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 355 (Л. 337 об.).

известно следующее. Из Москвы в Турцию посольство двигалось через Переяславль Рязанский, Ряжск и Воронеж. Из Воронежа вышли 1 августа (по другим данным – 31 июля) водным путем по Дону. Под началом Ивана Константиновича было 20 конных детей боярских и казаков, шедших берегом и 700 человек пеших стрельцов и казаков на судах. Вся флотилия состояла из 80 стругов.⁴⁷ Какая-то часть казаков из отряда Карамышева по дороге сбежала и вернулась в свои дома.⁴⁸

Подробное описание этого похода находим и у С.М.Соловьева: *«Вместе с Кантакузиным в июле того же года отправлен был в Константинополь посол Андрей Совин и дьяк Алфимов. Совин повез донским козакам грамоту, в которой им приказывалось идти на польского короля в сход к турецким пашам, стоящим на Узе... В провожатых у послов был воевода Иван Карамышев; из Москвы и из Валуек на Дон пришли вести, что этот Карамышев сам напросился на Дон козаков побивать и вешать; по этим вестям козаки бросились с пищалями и рогатинами к воеводе, прибили его до крови, выволокли из струга и повели к себе в круг. Послы вступились в дело, говорили козакам, чтоб они не убивали воеводу, не верили затейным речам, а писали бы об этом в Москву к государям. Козаки отвечали бранью и угрозами: «Нам дело не до вас,— кричали они послам,— ступайте к себе в стан, пока и над вами того же не сделаем». Карамышева втащили в круг, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги к Дону и бросили живого в реку, но послов отпустили спокойно в Азов».*⁴⁹ После убийства Карамышева и отъезда послов в Азов донские казаки съехались «с моря и из городов всем войском» и сетовали на атамана Волокиту Фролова, что он отпустил послов, крича: *«Все равно уже мы заворовали; побить было всех, а как они будут назад из Царя-города, то мы их и тогда побьем».*⁵⁰

Известно также, что воинам, входившим в отряд Карамышева, впоследствии было выказано недоверие от государей, царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета. Их не велено было брать в новый отряд сопровождения русских и турецкого послов: *«А которые дети боярские, и стрельцы и казаки были, в 138 году в донской посылке с Иваном Карамышевым, и тем детям боярским, и стрельцам и казаком... с воеводами не быти, потому что они в том походе воровали».*⁵¹

Иван Константинович Карамышев послужил Отчизне и после своей смерти. Его имя и гибель, как минимум, дважды (в 1634 и 1642 гг.)

⁴⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. СПб., 1851. Л. 133–152.

⁴⁸ Акты московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 315–316.

⁴⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 5. М., 1990. С. 198.

⁵⁰ Там же. С. 199.

⁵¹ Дворцовые разряды. Т. 2. СПб., 1851. Л. 851.

использовались московским правительством в дипломатической игре с Турцией. Когда турки требовали от союзной им тогда Москвы обуздать казаков, прекратить их бесчинства и набеги, им отвечали, что ничего поделаться не могут, дескать, посылали на них для усмирения воеводу Карамышева, а они его убили.⁵²

Как уже указывалось, смерть Ивана Константиновича Карамышева нашла отражение в русской исторической песне «Убийство Карамышева» (с оправдательной для казаков интерпретацией).

Теперь несколько слов о семье Ивана Константиновича Карамышева.

Его первой женой была княжна Марья, дочь князя Василия Андреевича и княгини Ульяны Васильевны Волконских, очевидно, умершая к 1603 году.⁵³ О второй его жене известно только, что ее звали Василисой.⁵⁴

Известны восемь детей Ивана Константиновича: Иван и Григорий Большой (вероятно от первого брака); от второго брака — Григорий Меньшой, Михаил, Никифор, Федор, Соломонида и Мария. Его сыновья, внуки и правнуки служили при московском дворе в жильцах, стряпчих и стольниках.

Одна из внучек Ивана Константиновича, Василиса Михайловна Карамышева, участвовала в 1669 году в смотре царской невесты и имела, таким образом, шанс стать царицей, впрочем, как и многие другие участницы смотрин, но, как известно, выбрали в итоге Наталью Нарышкину. Один из его внуков, Василий Михайлович (брат Василисы), принявший постриг под именем старца Леонтия, прославился как духовник московского Сретенского монастыря.⁵⁵

Праправнук Ивана Константиновича, Василий Федорович Карамышев, в конце XVIII века подавал «всегда употребляемый в роде» герб Карамышевых на Высочайшее утверждение и внесение в Общий гербовник

---

⁵² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 5. М., 1990. С. 202, 212.

⁵³ Она упоминается в духовной грамоте своего брата князя Александра Васильевича Волконского, составленной ранее 24 мая 1601 года, в которой брат завещал сестре Марье 100 чети ржи (Акты служилых землевладельцев. Т. 3. М., 2002. С. 59–63). В завещании ее матери княгини Ульяны (старицы Улии), составленном в 1603 году Мария уже не фигурирует. Среди наследников там присутствуют: зять Иван Константинович Карамышев, его дети, старшая дочь княгини Ульяны Марфа, ее дети от князя Ивана Петровича Ромодановского, другие князья Волконские (Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 335 – 349).

⁵⁴ После смерти Ивана Константиновича Карамышева его вдова Василиса с детьми Григорием, Михаилом, Никифором, Федором, Соломонидою и Марьею была владелицей вотчинного села Микульского (Никульского) в Московском уезде. – Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. Вып. 4. М., 1885. С. 60.

⁵⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 2001. С. 252; Русский синодик. Помяник Московского Сретенского монастыря: Исторический справочник. М., 1995. С. 160. См. также: Карамышев О.М. Служилый род Московской Руси: Карамышевы. Кн. 1. СПб., 2009.

дворянских родов Всероссийской Империи.⁵⁶

Как известно, российская ранняя (до XIX в.) самобытная (т. е. сочиненная самими гербовладельцами) дворянская геральдика в большинстве случаев не поддается точной расшифровке символов. Не является исключением в этом отношении и герб Карамышевых, в котором на четверочастном щите изображены: в голубом поле золотой щит, поставленный на камне (первая часть); в алом поле серебряный лебедь с распростертыми крыльями (вторая и третья части); в серебряном поле выходящая из облака рука с саблей, поднятой остроконечием вверх (четвертая часть). Тем не менее, вполне возможно, что составители герба Карамышевых, очевидно, прямые потомки Ивана Константиновича, сочиняя свою геральдическую эмблему пытались каким-то образом отразить в ней и заслуги своего предка.

Песня Оборона Пскова от Стефана Батория

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки – сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На три города, на три стольные
На первый на город – на Полотский,
На другой-то на город – Велики Луки.
На третий – на батушку на Опсков-град.
Он и Полотский-город мимоходом взял,
А Велики Луки он насквозь прошел.
Подходил он под батушку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,

---

⁵⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 1277.

Садился он, собака, во золот стул,
Смекал-то он силушку по три дни,
По три дни и по четыре
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зеленые луга государевы!
Бери своего коня Бахмута,
Поезжай во батюшку во Опсков-град.
Во город въезжай – не спрашивай,
Ко двору подъезжай – не докладывай,
Во палаты восходи – не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидит воевода царев
Карамышев Семен Константинович:
«Ох ты гой еси, воевода царев
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок без бою,
Без бою и без драки великия,

Без того уголовного смертного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистить,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохладиться;
Князей твоих, бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»

Возговорит воевода царев

Карамышев Семен Константинович:

«Блудён сын, король с королевичем,

С паном гетманом Хоткевичем

И с воинским конем Вороновичем!

Не отдам я тебе города без бою,

Без бою и без драки великия,

И без того уголовного смертного!»

Как со вечера солдаты причащались,

Со полуночи ружья чистили.

Ко белой зоре, как куры пропели,

Не туча с тучей сходилася,

Не зоря со зорей сомывалася -

Сходилися два войска, два великие,

Белого царя с королевским.

Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,

Еще тот ли же воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Кому у нас на бою, братцы, Божья помочь?
Помог Бог воеводе московскому
Карамышеву Семену Константиновичу,
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков.
Насилу король сам-третей убежал,
Бегучи он, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим и ни внучатам,
И ни внучатам, и ни правнучатам!»

**Песня Сборы польского короля
(об обороне Волока Ламского и Москвы)**

Собирался король на святую Русь,
Не дошедши Москвы, остановился за пятьсот верст,
За пятнадцать верст городу Волоку,
Во уезде, селе Федоровским,
Во любимаим дворце государевом.
Писал ерлыки скорописные,
Отсылал ерлыки в каменну Москву
Ко тому ли воеводе московскому,
Корамышину Семиону Костентиновичу:

«Ох ты гой еси, воевода царев,
Корамышин Семион Костентинович!
Ты отдай мне Москву без бою,
Без того ли кроволитья великого!»
Что ответ держит ему воевода царев:
«Ты б... сын, король и с королевою!
Не дошедши Москвы, ты похваляться стал
Я силу твою конем потопчу,
Кольчужничков и латников всех в полон возьму!»
За досаду королю показалось,
Взволновался король, сам боем пошел,
Да насилу король сам-третьей ушел.
Бегучи король заклинал сам себя:
«Не дай, Боже, ходить на святую Русь,
Ни мне, королю, ни брату моему!»
И еще этим король обесчестил сам себя.
Дворянам-боярам – им выслуга,
А служивым солдатам – им жалованье.
Донским казакам сукна на кафтан,
А нам, молодцам, по стакану пивца,
Кто бы нам поднес, мы бы выпили,
Хозяина с хозяйюшкой проздравили!»